

- ... Всё отвергал: законы, совесть веру!..

- Послушай, ври, да знай же меру!

А.Грибоедов

(Эпиграф предпослан редакторами)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КНИГА СОРОК ТРЕТЬЯ

8. Господин де Талейран

Весною нынешнего, 1838 года я занялся «Веронским конгрессом», который согласно своим литературным обязательствам должен был обнаружен: в это время я уже упоминал на страницах моих Записок об этой книге. Один человек покинул наш мир; аристократический конвойный замыкает сошедших в могилу могущественных плебеев.

Я посвятил господину де Талейрану несколько слов, рассказывая о своих деяниях на политическом поприще, где я с ним столкнулся. Ныне, по прекрасному выражению одного из древних авторов, последний час этого человека прояснил для меня всю его жизнь.

Я имел сношения с господином де Талейраном: будучи человеком чести, как можно заметить, хранил ему верность, особенно во время его размолвки с королем в Монсе, когда ради него погубил себя, причем совершенно напрасно. Чересчур простодушный, я принимал участие в его невзгодах и жалел его, когда Мобрей дал ему пощечину. Было время, когда он изрядно заискивал передо мною; как я уже говорил, он писал мне в Гент, именуя меня сильным человеком; когда я жил в особняке на улице Капуцинок, он с безупречной обходительностью послал мне печать Министерства иностранных дел — резной талисман, изготовленный, несомненно, под его звездой. Быть может, именно оттого, что я не злоупотреблял его великодушием, он сделался моим недругом без всякого повода с моей стороны, если не считать некоторых успехов, которых я добился самостоятельно, не прибегая к его помощи. Речи господина де Талейрана переходили в свете из уст в уста, нимало не оскорбляя меня, ибо господин де Талейран никого оскорбить не мог; однако его невоздержанность развязала мне руки, и, коль скоро он позволил себе судить меня, я вправе ответить ему тем же.*

Тщеславие господина де Талейрана обмануло его: свою роль он принял за свой гений; он счел себя пророком, ошибаясь во всем: предсказания его ж имели никакого веса: он не умел видеть того, что впереди, ему открывалось лишь то, что позади. Сам лишенный ясного ума и чистой совести, он ничто не ценил так высоко, как незаурядный ум и безукоризненную честность. Задним числом он всегда извлекал большую выгоду из ударов судьбы, но предвидеть эти удары он не умел, да и выгоду извлекал лишь для одного себя.

Ему было неведомо то великое честолюбие, что печется о славе общества как о сокровище, наиболее полезном для славы индивида. Таким образом, господин Талейран не принадлежал к разряду существ, способных стать фантастическими созданиями, чей облик становится еще фантастичнее по мере того, как им приписывают мнения ошибочные либо искаженные. И все же не подлежит сомнению, что множество чувств, вызываемых различными причинами, сообща способствуют сотворению вымышленного образа Талейрана.

Во-первых, короли, министры, иностранные посланники и послы, некогда попавшиеся на удочку к этому человеку и не способные разгадать его истинную сущность, стараются доказать, что они подчинялись существу, одаренному подлинным могуществом: они сняли бы шляпу перед поваренком Наполеона.

Во-вторых, родственники господина де Талейрана, принадлежащие к старинной французской аристократии, гордятся своею связью с человеком, соблаговолившим убедить их в своем величии.

Наконец, революционеры и их безнравственные наследники, сколько бы они ни поносили аристократические имена, питают к аристократии тайную слабость: эти удивительные неопиты охотно берут ее в крестные и надеются перенять от нее благородные манеры. Князь с его двойным отступничеством тешит самолюбие молодых демократов и по другой причине: значит, заключают они, их дело правое, а дворян и священников следует презирать.

---

* Как же не позволить себе высказаться о человеке после его смерти!.. Любопытно, что помешало г-ну Шатобриану высказаться столь же нелицеприятно и откровенно при жизни Талейрана?.. Наверное, это и характеризует Шатобриана как «человека чести»? – Редакторы *Vive Liberta*.

Однако, как бы все эти люди ни заблуждались на счет господина де Талейрана, иллюзии эти долго не проживут: ложь не идет господину де Талейрану впрок: для того чтобы вырасти в грандиозную фигуру, ему недостает внутреннего величия. Многие современники успели слишком хорошо рассмотреть его; о нем скоро забудут, ибо он не оставил неразрывно связанной с его личностью национальной идеи, не озаменовал свою жизнь ни выдающимся деянием, ни несравненным талантом, ни полезным открытием, ни эпохальным замыслом. Добродетельное существование - не его стихия; даже опасности обошли его стороной; во время Террора он был за пределами отечества и вернулся на родину лишь тогда, когда форум превратился в приемную дворца.**

Деятельность Талейрана на поприще дипломатическом доказывает его относительную посредственность: вы не сможете назвать ни одного сколько-нибудь значительного его достижения. При Бонапарте он только и делал, исполнял императорские приказы; на его счету нет ни одних важных переговоров, которые бы он провел на свой страх и риск; когда же ему представлялась возможность поступать по собственному усмотрению, он упускал все удобные случаи и губил все, к чему прикасался.*** Не подлежит сомнению, что он повинен в смерти герцога Энгиенского; это кровавое пятно отмыть невозможно: в своем рассказе о смерти принца я был чересчур мягок к министру и не привел всех улики.

Лгал господин де Талейран с поразительной беззастенчивостью. В «Веронском конгрессе» я ни словом не упомянул о речи, которую он произнес в палате пэров касательно войны в Испании; речь эта начиналась торжественными словами:

«Шестнадцать лет тому назад человек, правивший тогда миром у меня, следует ли ему вступать в борьбу с испанским народом, и я имел несчастье прогневить его, приоткрыв ему грядущее, изъяснив всю бездну опасностей, которые сулит это предприятие, столь же дерзкое, сколь и не справедливое. Наградой за мою прямоту стала немилость. По странной прихоти судьбы спустя много лет мне приходится досаждать законному государю теми же стараниями, повторять те же советы!»

Бывают провалы в памяти и измышления,**** наводящие страх: вы прислушиваетесь, протираете глаза, не понимая, сон это или явь. Когда краснойбай и лжец невозмутимо спускается с трибуны и как ни в чем не бывало возвращается на место, вы провожаете его взглядом, исполненным разом и ужаса и восхищения; вы начинаете гадать, не наделила ли природа этого человека могуществом столь необъятным, что он способен преобразовать или отменять истину.

Я ничего не ответил господину де Талейрану;***** мне казалось, будто тень Бонапарта вот-вот попросит слова и вновь, как встарь, гневно опровергнет своего министра. Среди пэров, сидевших в зале, были свидетели той давней сцены, в том числе господин граф де Монтескью; благородный герцог де Дудовиль описал мне ее со слов самого господина де Монтескью, своего родственника; господин граф де Сессак, также присутствовавший при этой сцене, охотно рассказывает о ней всякому, кто пожелает; он не сомневался, что по выходе из кабинета господин де Талейран будет арестован. Наполеон в ярости вопрошал побледневшего министра: «Как вы смеете возражать против войны в Испании, — ведь это вы меня в нее втянули, это вы твердили мне в каждом письме о том, что этой войны требуют как материальные интересы нашей страны, так и интересы дипломатические». Письма эти пропали из архива Тюильри в 1814 году.*****

Господин де Талейран заявил в своей речи, что он «имел несчастье прогневить Бонапарта, приоткрыв ему грядущее, изъяснив ему всю бездну опасностей, которые сулит предприятие, столь же дерзкое, сколь и несправедливое». Господин де Талейран может спокойно спать в могиле: он не имел этого несчастья; не след ему прибавлять ко всем превратностям своей жизни еще и это бедствие

** Какое совпадение! Г-н Шатобриан *тоже* «находился за пределами отечества» не только в период Террора, но значительно раньше, а вернулся – под чужим именем (это ли не говорит о его презрении к опасностям!) – в 1800 году, когда уже сама идея «форума» была надежно погребена под «приемной дворца». Талейран, как известно, вернулся во Францию в довольно беспокойное время, в 1796 году. – *Редакторы Vive Liberta.*

*** Мы **сможем** назвать. То есть попросим читателей обратиться к Е.Тарле, Ю.Борисову, М.Понятовскому, Д.Куперу, и другим авторам (<http://www.amis-talleyrand.asso.fr/>). – *Редакторы Vive Liberta.*

**** Бывают, г-н Шатобриан, бывают... Из провалов в памяти и измышлений составлены, к примеру, «Замогильные записки»... – *Редакторы Vive Liberta.*

***** ... приберегая ответ для покойника... - *Редакторы Vive Liberta.*

***** Как и многое другое, г-н Шатобриан излагает события с чужих слов. Однако почему же «господин граф», «свидетель той давней сцены», набрал в рот воды и не уличил Талейрана во лжи?.. Здесь можно заметить также, что г-н Шатобриан противоречит собственному утверждению, сделанному ранее: если г-н Талейран был политическим ничтожеством и только исполнял императорские приказы, какой может быть с него спрос, как бы мог - он – втянуть в войну императора?.. - *Редакторы Vive Liberta.*

Главная вина господина де Талейрана перед законной монархией состоит в том, что он отговорил Людовика XVIII от намерения женить Беррийского на русской великой княжне, непростительная вина перед Францией — в том, что он принял оскорбительные условия Венского конгресса.

Стараниями господина де Талейрана мы вовсе лишились границ: стоит нам проиграть сражение в Монсе или в Кобленсе, и через неделю вражеская кавалерия окажется под стенами Парижа. При старой монархии Францию окружала цепь крепостей; мало того: со стороны Рейна ее защищали независимые германские княжества. Чтобы добраться до нас, противнику требовалось захватить их, либо сторговаться с ними. С другой стороны располагалась нейтральная и свободная страна — Швейцария, на территорию которой никто не покушался, да там и не было дорог. Пиренеи, охраняемые испанскими Бурбонами, были непроходимы. Вот чего не понял господин де Талейран; вот ошибки, которые навсегда погубили его как политического деятеля: ошибки, которые в один день уничтожили плоды трудов Людовика XIV и побед Наполеона.

Находились люди, утверждавшие, что как политик господин де Талейран выше Наполеона: во-первых, следует уразуметь, что обладатель министерского портфеля, состоявший при полководце, который каждое утро опускает в этот портфель известие о победе и меняет географию мира, — просто-напросто чиновник. Упоенный славой, Наполеон стал допускать грубейшие, бросающиеся в глаза ошибки: вероятно, господин де Талейран, как и все прочие, заметил это, но для этого не требовалось особенно острого зрения. К тому же он странным образом скомпрометировал себя арестом герцога Энгиенского, в 1807 году занял неверную позицию касательно Испании, хотя позже отрекся от своих советов и хотел взять назад свои слова.

Однако плох тот актер, который начисто лишен умения заворочить зал: поэтому жизнь князя была нескончаемой цепью обманов. Зная, чего ему стает, он избегал всех, кто мог его разгадать: постоянной его заботой было дать себя раскусить; он вовремя уходил в тень; он полюбил вист за возможность провести три часа в молчании. Окружающие восхищались, что и даровитый человек снисходит до вульгарных забав: кто знает, не делил этот даровитый человек империи в тот миг, когда на руках у него были ре валета? Тасуя карты, он придумывал эффектное словцо, вдохновленное утренней газетой или вечерней беседой. Если он отводил вас в сторону, дабы занять разговором, то немедленно принимался обольщать вас, осыпая похвалами, именуя надеждой нации, предсказывая блестящую карьеру, выписывая вам переводной вексель на звание великого человека, выданный на его имя и оплачиваемый по предъявлению; если же, однако, он находил, что ваша вера в него достаточно тверда, если он замечал, что ваше восхищение несколькими его короткими фразами, претендующими на глубину, но не имеющими ровно никакого смысла, не слишком велико, то удалялся, боясь разоблачения. Он был хорошим рассказчиком, когда на язык ему попадался подчиненный или глупец, над которым он мог издеваться без опаски, либо жертва, зависящая от него и служащая мишенью для его насмешек. Серьезная беседа ему не давалась; на третьей фразе идеи его испускали дух.

Старинные гравюры изображают *аббата де Перигора* красавцем; к старости лицо господина де Талейрана уподобилось черепу: глаза потухли, так что в них ничего нельзя было прочесть, чем он и пользовался; он столько раз навлек на себя презрение, что пропитался им насквозь: особенно красноречивы были опущенные уголки рта.

Внушительная наружность (свидетельство благородного происхождения, строгое соблюдение приличий, холодно-пренебрежительный вид князя Беневентского вводили всех в заблуждение. Манеры его завораживали простолюдинов и членов нового общества, не заставших общества былых времен. Встарь аристократы, повадкой своей походившие на господина де Талейрана, встречались сплошь и рядом, и никто не обращал на них внимания: но оставшись в почти полном одиночестве среди общества демократического, он стал казаться явлением необыкновенным: репутация забрала над министром такую власть, что из уважения к собственному самолюбию ему приходилось приписывать своему уму те достоинства, какими он на самом деле был обязан воспитанию.

Когда человек, занимающий важный пост, оказывается замешан в невиданный переворот, он обретает случайное величие, которое простой люд принимает за его личную заслугу; затерянный при Бонапарте в лучах его славы во время Реставрации господин де Талейран сверкал блеском чужих удач. Нечаянное возвышение позволило князю Беневентскому возомнить себя ниспровергателем Наполеона и приписать себе честь возвращения на престол Людовика XVIII; разве и я сам, подобно всем прочим ротозеям, не имел глупости поверить в эту басню! Узнав дело лучше, я убедился, что господин де Талейран вовсе не был политическим Варвиком: чтобы рушить и воздвигать троны, руке его недоставало силы.

Беспристрастные простаки говорят: «Мы согласны, это был человек весьма безнравственный, но зато какой ловкач!» Увы! нимало. И эту надежду, столь утешительную для людей восторженных, столь желанную для тех, кто верен памяти князя, — надежду выставить господина де Талейрана злым демоном, также следует оставить.

Господину де Талейрану можно было доверить иные заурядные поручения, при исполнении которых у него хватало ловкости соблюдать в первую очередь собственный интерес: ни на что большее он способен не был.

Излюбленные привычки и максимы господина де Талейрана сложили предметом подражания для клязуников и негодяев из его окружения. Венцом его дипломатии был костюм, заимствованный у одного венского министра он хвалился, что никогда не торопится; он говорил, что время - наш враг и его следует убивать: отсюда следовало, что делам надобно посвящать несколько мгновений, не более.

Но поскольку в конечном счете господин де Талейран не сумел обратить свою праздность в шедевр, то, вероятно, он напрасно твердил о необходимом избавиться от времени: над временем торжествуют только те, кто создают творения бессмертные; трудами без будущего, легкомысленными забавами его не убивают: его транжирят.

Ставший министром по рекомендации госпожи де Сталь, которая хлопотала его назначении перед Шенье,^{*****} господин де Талейран, в ту пору весьма нуждавшийся, принялся сколачивать состояние; он пополнял свои капиталы пять или шесть раз: когда получил миллион от Португалии взамен обещания подписать мирный договор — договор, который Директория так и не подписала, когда скупил бельгийские облигации накануне заключения Амьенского мира — мира, о котором он, господин де Талейран, узнал раньше всех; когда основал эфемерное королевство в Этрурии; когда нажился на конфискации имущества духовенства в Германии; когда торговал своими мнениями на Венском конгрессе. Князь был готов продать Австрии все вплоть до старых бумаг из наших архивов: на сей раз господин фон Меттерних оставил его в дураках: сняв копии, он аккуратнейшим образом возвратил оригиналы.

---

^{*****} Разве у Мари-Жозефа Шенье когда-либо была возможность и право назначать министров?.. И разве г-жа де Сталь, при всем своем влиянии, могла давать рекомендации в деле назначения государственного чиновника?... Обратимся к фактам.

«В августе 1795 года граф Пьер Луи Рёдерер опубликовал брошюру «Французские беженцы и эмигранты», в которой провел грань между французами, покинувшими страну после сентября 1792 года и никогда не выступавшими с оружием в руках против своего народа, и эмигрантами, участвовавшими в вооруженной контрреволюции. Среди «хороших» беженцев Рёдерер упомянул и имя Талейрана. Первый шаг к возвращению [из Америки] был сделан.

За ним последовал второй. ... Тальен, ... заявил с трибуны Конвента, что Талейран-Перигор был неправильно внесен в список эмигрантов, поскольку выехал с миссией правительства. Его поддержала жена, весьма деятельная Тереза Тальен. **За супругами Тальен стояла Жермена де Сталь. Она привлекла к защите Талейрана депутатов Конвента Жан-Жака Камбасареса (ставшего впоследствии вторым консулом республики), Франсуа Буасси д'Англа — председателя Конвента после переворота 9 термидора, Поля Барраса, Анри Грегуара — епископа Блуа, аббата Эмманюэля Сийеса и др.**

Почва в Конvente для рассмотрения петиции Талейрана была подготовлена. Теперь следовало найти оратора. Им мог быть лишь человек умеренных взглядов, в меру независимый, республиканец без страха и упрека, желательного — «жертва» якобинского режима. Де Сталь выбрала Мари Жозефа Шенье, брата знаменитого поэта, казненного в 1794 году. Он не знал Талейрана и симпатий к нему не испытывал. Но де Сталь прибегла к испытанному средству: она обратилась к любовнице Мари Жозефа Евгении де ла Бушарди (у дам были общие деловые интересы и дружеские отношения). После недолгого сопротивления Шенье сдался и 4 сентября 1795 г. выступил с речью в Конvente, в которой, не опасаясь очевидных преувеличений, заявил: «Я требую у вас Талейрана-Перигора; я его требую во имя многочисленных услуг; я его требую во имя национальной справедливости; я его требую во имя Республики, которой он может еще служить своими талантами и своим трудом; я его требую во имя вашей славы; я его требую во имя вашей ненависти к эмигрантам, жертвой которых, как и вы, он мог бы стать, если бы подлецы смогли победить».

Речь Шенье вызвала восторг депутатов. Под гром аплодисментов они решили, что Талейран может вернуться на территорию Французской республики. Обвинение против него было снято, а имя — вычеркнуто из списков эмигрантов.» (Ю. Борисов. Талейран. М.: Международные отношения. 1989. С.58-59)

Назначение министром – другая глава в истории, связанная с деятельностью Барраса как директора. Таким образом, г-н Шатобриан вновь излагает факты как придется и как попало, не в состоянии быть точным и правдивым ни в деталях, ни в сути. – *Редакторы Vive Liberta.*

Неспособный самостоятельно написать ни строки, господин де Талейран нанимал сведущих людей, которые работали на него: когда, зачеркнув и переценив все, что не нравилось хозяину, его секретарь наконец составлял депешу во вкусе министра, тот переписывал ее своей рукой. Я слышал в исполнении господина де Талейрана начало его мемуаров, включавшее несколько приятных подробностей из времен его молодости. Он без конца менял свои вкусы: сегодня ненавидел то, что любил вчера, так что, если мемуары эти доведены до конца, в чем я сомневаюсь, и если он запечатлел в них различные версии событий, весьма вероятно, что одним и тем же происшествиям, одним и тем же людям будут даны в этих мемуарах совершенно противоположные оценки. Я не верю, что рукописи господина де Талейрана хранятся в Англии; наказ публиковать их не раньше чем через сорок лет, который он якобы дал, кажется мне посмертным фиглярством.

Ленивый и невежественный, беспутный по натуре и легкомысленный по духу, князь Беневентский кичился тем, чего ему следовало бы стыдиться, — тем, он уцелел после падения империй. Выдающиеся умы, которые совершают революции, уходят; умы второстепенные, которые извлекают из революций выгоду, остаются. Эти проходимцы, уверенные в завтрашнем дне, принимают парад поколений: в их обязанности входит ставить визу в паспортах и выступать свидетелями на суде: господин де Талейран был из этого низшего племени; он ставил под событиями свою подпись, но не он вершил их.

Пережить многие правительства, оставаться, когда власть уходит, объявлять, что не покинешь трибунала до тех пор, пока не прозвучит окончательный Сговор, хвастать тем, что принадлежишь лишь стране, что служишь не лицам, а делу, — значит выказывать самодовольство эгоиста, неуклюже силившегося скрыть низменные чувства под высокими словами. Нынче у нас подобных равнодушных характеров, подобных пресмыкающихся граждан хоть отбавляй: однако для того, чтобы стареть отшельником на развалинах Колизея и не утратить величия, следует жить под сенью креста; господин де Талейран пограл свой крест ногами.

Род человеческий делится на две неравные части: люди смерти, ее любимцы, избранная паства, способная воскреснуть; люди жизни, ее пасынки толпа, уходящая в небытие, дабы не воскреснуть уже никогда. Недолгое существование этих последних сводится к имени, репутации, должности, богатству, их слава, их власть, их могущество исчезают вместе с ними; не успеют закрыться двери их гостиной и крышка их гроба, как закрывается и книга их судьбы. Так случилось и с господином де Талейраном; мумия его, прежде чем сойти в могилу, мелькнула в Лондоне, как посланница нашей нынешней монархии-трупа.

Господин де Талейран предал все правительства и, повторяю, не привел к власти и не низложил ни одно из них. Он никогда не имел подлинного могущества, если понимать оба эти слова без лукавства. Мелким заурядным успехам, столь обычным в аристократической жизни, не перейти могильной черты. Зло, не сопровождающееся ужасной катастрофой, зло, скупо отмеряемое рабом, который грешит, дабы услужить хозяину, — всего лишь подлость. Путь преступления, порок делается его лакеем. Вообразите господина де Талейрана бедным и безвестным плебеем, наделенным впридачу к безнравственности лишь неоспоримым салонным остроумием, — без сомнения, в этом случае никто не обратил бы на него никакого внимания. Не будь господин де Талейран опустившимся вельможей, женатым священником, аббатом-расстригой, стоило ли бы о нем говорить? Репутацией и успехами он обязан этим трем изъянам.

Свою восьмидесятилетнюю жизнь прелат увенчал жалкой комедией: сначала, чтобы показать, на что он способен, он произнес в Институте похвальное слово тупоумному немцу, которого презирал. Хотя мы нынче и пресыщены зрелищами, поглазеть на явление великого человека собралась целая толпа; вскоре он умер, как Диоклетиан, сделав свою смерть предметом всеобщего обозрения. Зеваки наблюдали за тем, как в смертный час этот на три четверти сгнивший князь, с незаживающей язвой в боку, с головой, падающей на грудь, несмотря на поддерживающую ее повязку, вел нескончаемый торг за свое примирение с небом при посредничестве своей племянницы, которая, играя давно отрепетированную роль, помогала ему морочить простодушную священника и невинную девочку: после упорного сопротивления он, уже утратив дар речи, подписал (а может быть, так и не подписал) отречение от своей давнишней присяги, однако не выказал ни малейшего раскаяния, не исполнил последнего долга христианина, не покаялся в безнравственных и скандальных деяниях, и свершенных. Никогда еще гордыня не выглядела столь жалко, восхищение — столь глупо, благочестие — столь беспомощно: осторожные римляне никогда не отступались от прежних заблуждений публично — и были правы.

Шатобриан. Замогильные записки.
© Vive Liberta 2006

Господин де Талейран был уже давно призван на высший суд и осужден досрочно; смерть искала его от имени Господа и наконец настигла. Чтобы внимательно изучить его жизнь, настолько же порочную, насколько жизнь господина де Лафайета была праведна,***** потребовалось бы преодолеть отвращение, которое я победить не в силах. Люди в болячках напоминают останки проституток: язвы так источили их тело, что невозможно сделать вскрытие. Французская революция — могучий политический ураган, сокрушивший старый мир: убоимся, как бы нас не настиг ураган куда более страшный, убоимся, как бы дурная сторона этой революции не сокрушила нашу нравственность. Что случилось бы с родом человеческим, если бы люди изощрялись в оправдании особ, достойных осуждения, если бы они силились воодушевить нас отвратительными примерами, пытались выдать за успехи века, за воцарение оды, за глубину гения деяния натур низких и жестоких? Не смея ратовать за зло под его собственным именем, люди прибегают к уверткам: остерегайтесь принять эту тварь за духа тьмы, это ангел света! Всякое уродство красиво, всякий позор почетен, всякая гнусность возвышенна; всякий порок достоин восхищения. Мы вернулись к тому материальному языческому обществу, где такое извращение имело свой алтарь. Прочь эти трусливые, лживые, преступные хвалы, которые затуманивают общественное сознание, развращают молодежь, отнимают мужество у порядочных людей, оскорбляют добродетель и, словно римский солдат, плюют в лицо Христу!

Шатобриан. Замогильные записки.

© Vive Liberta 2006

***** Нет сомнений, что г-н Лафайет поступил как праведник, благородный человек и выдающийся военачальник, **бросив взвернутую ему армию** в критический момент летом 1792 года. – Редакторы *Vive Liberta*.